

Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Международные конгрессы антропологов и этнографов, первый из которых состоялся в 1934 г. в Лондоне, призваны играть видную роль в развитии антропологии и этнографии. X МКАЭН проходил в г. Дели (Индия) с 9 по 16 декабря 1978 г.¹; связанные с ним так называемые послеконгрессные заседания продолжались в Дели, Калькутте, Майсоре и других крупных научных и культурных центрах Индии с 18 по 20 декабря 1978 г. В Конгрессе приняли участие свыше 2 тыс. ученых более чем из 70 стран мира. Почти половину участников составили индийские ученые; довольно большой — свыше 200 человек — была группа ученых из США; по несколько десятков человек насчитывали делегации из Великобритании и Японии; группы ученых из других развитых капиталистических стран (Франции, Канады, Нидерландов и др.) были сравнительно немногочисленными (по 5—20 человек), невелики были и делегации из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. В состав советской делегации (38 человек), возглавляемой акад. Ю. В. Бромлеем, входили представители Академии наук СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР; академий наук союзных республик, а также представитель Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Делегация из ПНР насчитывала 18 человек, представители других социалистических стран (ГДР, ВНР, СРР, СФРЮ, ЧССР) были немногочисленны. Ученые социалистических стран Азии в Конгрессе не участвовали.

X МКАЭН, в отличие от всех предыдущих конгрессов, проходил в развивающейся стране, стоящей, как и другие такие страны, перед сложными проблемами социально-экономического, политического и культурного развития. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что он состоялся именно в Индии — многолюдной стране, бывшей колыбелью одной из древнейших цивилизаций мира, отличающейся очень пестрым этническим, языково-культурным, религиозным и антропологическим составом населения, в стране, где стойкость многовековых традиций все более конфликтует с насущными требованиями современности. Знаменательно то большое внимание, которое было уделено Конгрессу со стороны правительства Индии. На его открытии и на пленарных заседаниях с

¹ О предыдущем МКАЭН, состоявшемся в 1973 г. в Чикаго, см. Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей. IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук. — «Сов. этнография», 1974, № 1.

большими речами, в которых подчеркивалось значение физической и культурной (социальной) антропологии для прогресса человечества, особенно народов развивающихся стран, в том числе Индии, для взаимопонимания между народами мира, выступили премьер-министр Индии М. Десаи, а также министры иностранных дел, обороны и просвещения. Работа Конгресса подробно освещалась в индийской прессе.

В структурном отношении работа X МКАЭН подразделялась на довольно слабо различающиеся между собой «сессии» и симпозиумы с заранее объявленным составом участников в соответствии с предварительно полученными заявками на доклады, и «комиссии», на которых проводилось свободное обсуждение некоторых важных тем, без предварительных заявок. В ходе заседаний сессий и симпозиумов происходило уточнение состава их участников, так как часть подавших заявки не приехала на конгресс, а часть приехавших ученых не посылала ранее заявок на участие в работе Конгресса и рефератов своих докладов. Во время основной работы Конгресса действовало около 90 тематических сессий, в том числе около 60 этнографических, около 20 антропологических, 7 археологических, 4 лингвистических; кроме того, проходила работа в 23 симпозиумах и 6 комиссиях, по существу все они относились к области этнографии. Присланные на Конгресс краткие авторефераты докладов были изданы в трех томах; общее число их по состоянию на начало декабря 1978 г., когда подготавливался к публикации последний том, составило свыше 2170. К Конгрессу было подготовлено 90 докладов советских ученых²; эти доклады были опубликованы на английском языке в четырех сборниках; отдельно была издана библиография трудов советских ученых на английском языке. У каждого советского делегата имелись оттиски своего доклада для раздачи присутствующим на заседании, что значительно облегчало научные контакты с иностранными учеными и обмен информацией. Этой обстоятельностью подготовки к Конгрессу советские ученые выгодно отличались от подавляющего большинства других участников Конгресса, прежде всего от ученых США.

Большое значение участия советских ученых в международных конгрессах было специально подчеркнуто при открытии X МКАЭН его президентом — проф. Видьярathi (Индия). Он отметил, что, начиная с состоявшегося в 1956 г. в Филадельфии V МКАЭН, в работе которого впервые приняла участие делегация ученых из СССР, советская этнография, развивающаяся на основе марксизма-ленинизма, ознаменовала обновление концепции социальной эволюции, внесла в антропологию новые соотношения, сделала ее более сбалансированной, уменьшив в ней англо-американское влияние.

Отмеченное выше своеобразие Индии как места проведения X МКАЭН, массовое и активное участие в нем ученых этой развивающейся страны во многом повлияли на направленность Конгресса. В центре его внимания оказались социальные проблемы Индии и других развивающихся стран, вставшие перед ними в связи с ростом их населения («демографическим взрывом»), существенными изменениями в сельском хозяйстве («зеленая революция», аграрные реформы и т. п.), научно-технической революцией, развитием промышленности, развертыванием урбанизации, повышением уровня образования народных масс, раскрепощением женщины и т. п. Это отразилось в основном девизе Конгресса — «Антропология и потребности развития»³, который был повторен в названии главной темы пле-

² Краткий обзор этих докладов см.: М. В. Крюков. Антропология и этнография: проблемы развития человечества. — «Общественные науки», 1978, № 6; см. также «Навстречу X Международному конгрессу антропологических и этнологических наук». — «Сов. этнография», 1978, № 4.

³ Далее, как принято в советской науке, термином «антропология» обозначается, как правило, лишь физическая антропология; термином «этнография» — культурная или социальная антропология.

нарных заседаний, первое из которых охватывало весь мир, а последующие — Азию, Африку, Латинскую Америку, а также промышленно развитые капиталистические страны.

Представленные на пленарные заседания доклады были весьма разнообразны по тематике. Так, на заседании, посвященном Азии, где свыше половины участников составили индийские ученые, в центре внимания оказались вопросы, связанные с быстрым ростом населения стран этого региона и влиянием этого феномена на их будущее развитие. На заседании, посвященном Латинской Америке, наибольший интерес вызвали доклады мексиканских и американских ученых об аграрных преобразованиях в Мексике; вместе с тем был, например, и доклад о народной медицине в Аргентине. При обсуждении широкого круга этносоциальных проблем развития Мексики, в том числе и интеграции групп индейцев и метисов в состав мексиканской нации, наибольшую дискуссию вызвал доклад известного американского этнографа Д. Фостера, который пытался на примере одной из сельских общин Мексики подчеркнуть положительную роль модернизации жизни, в частности рост духа предпринимательства, повышение социальной мобильности и т. п. В вопросах и выступлениях по этому докладу участников сессии (преимущественно — индийцев и делегатов из стран Латинской Америки) были выявлены и существенные отрицательные стороны развития крестьянства в условиях капиталистического строя и частной собственности на землю, в частности рост неравенства среди крестьян, разорение части крестьян и вынужденная миграция их в города и т. п. На заседании, посвященном промышленно развитым странам мира, также преобладали доклады о процессе модернизации деревни (на примере крестьян Средней Италии и Нидерландов) или о специфических группах населения (иммигранты-пакистанцы в Великобритании, индейцы-навахи в США). Наибольшей методологической остротой отличался доклад сопредседателя сессии индийского по происхождению ученого Б. Берма (США), который проводил аналогию между модернизацией в капиталистических и социалистических странах, нацеленной на повышение уровня жизни, но проводимой различными способами: в одном случае на основе частной инициативы, в другом — деятельности государства. Выступившие по этому докладу советские ученые С. А. Арутюнов и Ю. И. Мкртумян, а также венгерский ученый Т. Ходер показали и более глубокие социальные различия процессов модернизации. Было отмечено, в частности, что модернизация в СССР ведет не к разрушению традиционной культуры, а к развитию прогрессивных традиций в народной культуре и ее постепенному вливанию в общесоветскую культуру.

Несмотря на разнотемность представленных на пленарные заседания докладов, почти во всех проступала мысль о том, что науки о человеке имеют существенное практическое значение, является научным средством решения различных проблем общественного развития. Однако прогресс этих наук в развивающихся странах сталкивается с трудностями. Эти трудности обусловлены главным образом тем, что кадры антропологов и этнографов развивающихся стран формировались преимущественно на базе концепций и школ, существовавших в странах-метрополиях, в частности Великобритании, а многие ученые получили там и образование. Очень сильным в недавнем прошлом было влияние и американской науки. Однако за последнее время, как это прозвучало и во вступительном к пленарным заседаниям докладе проф. С. Дуби (Индия), наука в развивающихся странах стремится освободиться от этого влияния. Такое стремление объясняется двумя основными причинами. Первая из них связана с боязнью неокOLONиалистской направленности европейско-американских антропологических (прежде всего — этнографических) школ, многие из которых (английский функционализм, американский расизм и этнопсихологизм и т. п.) так или иначе поддерживали империалистиче-

ские устремления. Вторая причина состоит в том, что почти все буржуазные школы основывались на концепции стагнации или во всяком случае большой консервативности культурных явлений, на «незыблемости» традиционной жизни народов бывших колониальных и зависимых стран; в результате эти школы оказались мало пригодными к изучению развивающихся обществ, к исследованию существенных изменений в культуре и быте народов, к анализу этнических процессов и т. п. Это способствовало отмеченному выше росту внимания этнографов развивающихся стран к советской науке.

Почти все поднятые на пленарных заседаниях вопросы конкретизировались и детально рассматривались на послепленарных тематических сессиях и симпозиумах. Кроме специальной, посвященной главным образом Индии, сессии о роли антропологии и этнографии в развитии Южной Азии, а также сессии и специальной комиссии по неотложным исследованиям в антропологии и этнографии, этим вопросам было посвящено по существу еще около 20 сессий и симпозиумов и одна комиссия. В работе ряда заседаний активное участие приняли советские ученые; они выступили с докладами на симпозиумах «Процесс этнической интеграции: некоторые теоретические и методологические проблемы» и «Неоэволюционизм и марксизм», а также участвовали в обсуждении докладов на некоторых других методологически значимых сессиях и симпозиумах.

Большое внимание, уделенное советскими делегатами проблеме этнической интеграции, по которой ими было представлено 9 докладов, объясняется главным образом тем, что именно в Советском Союзе в последнее десятилетие широко развернулись исследования этнических процессов, т. е. процессов изменения существенных параметров этнических общностей в различных странах мира, прежде всего в СССР. Наиболее характерными для современности являются процессы этнического сближения и слияния, проявляющиеся в частности в интеграции культуры различных народов в масштабе всей страны или ее крупных регионов. В докладе председательствовавшего на симпозиуме Ю. В. Бромлея «Культурные аспекты этнического развития в СССР», а также в докладах В. К. Бондарчика «Этническая интеграция как важный фактор развития в этно-культурных процессах», Е. П. Бусыгина (совместно с Н. В. Зориним) «Этно-культурные процессы в Среднем Поволжье», В. И. Наулко «Современные процессы этнической интеграции в Украинской ССР» — были показаны закономерности развития таких процессов в различных регионах СССР, обусловленные действием общих социально-экономических и политических факторов, и некоторые локальные особенности этих процессов.

К этой группе докладов, отражающих успехи в решении национального вопроса в СССР, отношения дружбы и сотрудничества между всеми народами нашей страны, непосредственно примыкал доклад М. И. Куличенко «Национальное сознание народов СССР (его сущность, формы проявления и тенденции развития)», в котором показывалось сочетание крепнущего национального сознания с развитием чувства принадлежности к единому советскому народу. Некоторые присутствовавшие на симпозиуме делегаты из капиталистических стран, преимущественно из США и Канады, пытались поставить под сомнение идеологическую значимость докладов советских ученых и правильность ленинской национальной политики, задавая тенденциозные вопросы о якобы имеющем место в СССР «национальном неравноправии», «религиозном притеснении» и т. п., но эти несостоятельные нападки должным образом отражались советскими учеными.

Существенный интерес представил сделанный на симпозиуме доклад А. Н. Седловской «Влияние индустриализации и урбанизации на этнические процессы среди малых народов Индии и советской Средней Азии». В связи с тем, что большая часть других, заслушанных на симпозиуме

докладов принадлежала индийским ученым и касалась проблем этнического развития и культурной интеграции народов Индии, сопоставление этно-культурного развития Индии с таким прежде отсталым регионом, как Средняя Азия, приобрело и методологическое значение. Несколько выделялись по тематике доклад Э. Л. Нитобурга «Научно-техническая революция и афро-американцы в США», в котором рассматривалось влияние НТР на положение негров в США в связи с изменениями в их образовательном уровне и профессиональной структуре, быстрой урбанизацией, растущей сегрегацией и их изоляцией в «черных гетто» и другими явлениями, и доклад И. М. Семашко «Маврикий: проблемы этнического развития», в котором характеризовались процессы этнического развития живущих там групп (в том числе индийцев) и проблема интеграции их в единую маврикийскую нацию. Ряд общих вопросов методики изучения этнических процессов был освещен в докладе С. А. Арутюнова «Соотношение билингвизма и бикультурализма в современных этнических процессах».

К симпозиуму по этнической интеграции непосредственно примыкали некоторые другие сессии и симпозиумы, посвященные различным сторонам этно-социальных и культурных процессов, в том числе: «Этнография социальных и культурных движений», «Социальные изменения и аккультурация», «Развитие и женщины», «Урбанизация в развивающихся странах» и др.

Важное методологическое значение имел симпозиум «Неоэволюционизм и марксизм». Председательствовавший на нем советский делегат Э. С. Маркарян представил доклад «Неоэволюционизм и экологические исследования культуры». Активное участие в этом симпозиуме приняли С. А. Арутюнов, а также И. Зельнов (ГДР), выступившая с докладом «Неоэволюционизм и марксизм. Проблема исторического прогресса». Доклады на симпозиуме сделали также Д. Шимкин (США), М. Харрис (США) и некоторые другие западные ученые. В самих докладах и в ходе прошедшей затем дискуссии были уточнены некоторые этапы истории неоэволюционизма с лежащей в его основе идеей технолого-экологического детерминизма. Были отмечены материалистический в целом характер этого направления и в то же время его ограниченность, заставляющая неоэволюционистов все чаще искать ответ на вопросы общественного развития в историческом материализме. Была подвергнута критике попытка М. Харриса создать эклектическую концепцию «культурного материализма», объединив в ней неоэволюционизм, структурализм и исторический материализм.

Тематически близкими этому симпозиуму были заседания, посвященные проблемам «Эволюция и общество», «Закон и социальные изменения».

Значительное место в работе Конгресса заняли вопросы, касающиеся будущего антропологии и этнографии; они обсуждались на заседаниях, посвященных проблемам «Будущее мировой антропологии и этнографии. Международные дискуссии и планирование» и «Идеи и тенденции в мировой антропологии и этнографии» и др.

Заслуживает внимания в этом отношении и работа комиссии по футурологии, в которой участвовали главным образом ученые Индии. Они подвели некоторые итоги проходившего незадолго до Конгресса совещания, которое пыталось представить этнокультурную ситуацию в Индии к 2000 году, в частности определить будущее племен, семьи, религии и т. п. Основной вывод комиссии сводится к тому, что все явления традиционной жизни Индии как таковые сохраняются, однако степень их выраженности и общая социальная ситуация, в которой они проявляются, существенно изменяются под влиянием роста населения и других факторов.

Следует отметить, что теме о будущем антропологии и этнографии был посвящен обширный материал, специально подготовленный к Кон-

грессу группой ученых из США во главе с Солом Таксом). В этом материале отчетливо проявилась характерная для североамериканских ученых тенденция трактовать культурную антропологию как некую супердисциплину, претендующую на монополию в изучении человека. Такая тенденция была подвергнута критике советскими делегатами (Ю. В. Бромлей, С. И. Брук, Э. С. Маркарян), отметившими, в частности, как неправомерность, так и возможные негативные последствия изоляции культурной антропологии от других изучающих человеческое общество дисциплин. При этом была подчеркнута необходимость усиления внимания к методологическим вопросам, касающимся определения места антропологии и этнографии в системе наук. Эта точка зрения была активно поддержана индийскими учеными, и в результате была создана комиссия для разработки методологических вопросов антропологии и этнографии и определения перспектив их дальнейшего развития, в которую от советской делегации вошел Ю. В. Бромлей.

Сессии, симпозиумы и комиссии, тематика которых не была непосредственно связана с пленарными заседаниями, также могут быть объединены в ряд групп; во многих случаях такая группировка облегчается тем, что заседания по своим названиям, да и содержанию оказывались настолько близки, что само их подразделение на Конгрессе выглядит довольно искусственным. Переходя к их краткому обзору, отметим сразу же, что участие советских делегатов в этих группах заседаний, как и в рассмотренных выше заседаниях, тематически связанных с пленарными, было сравнительно узким; ими были сделаны доклады лишь на 7 из 57 сессий и симпозиумов; однако они приняли участие в дискуссиях на некоторых других сессиях, симпозиумах и комиссиях.

На сессии, посвященной вопросам обучения этнографов и антропологов, Р. Ф. Итс сделал доклад на тему «Этнография в системе университетского образования». Изложенное в этом докладе мнение о необходимости подготовки специалистов по программам, совмещающим общетэтнографические и региональные знания, и о важности преподавания этнографии на всех гуманитарных факультетах, было поддержано всеми участниками сессии, как весьма полезное, способствующее установлению взаимопонимания между народами мира. На заседании были обсуждены доклады о полевой практике студентов-этнографов и другие вопросы их обучения. Тематически близка к ней была сессия по истории этнографической и антропологической мысли, на которой было обращено внимание на принципы классификации разделов этих наук на различного рода конференциях, в том числе и на Х МКАЭН.

Вопросам типологии этнических общностей на Конгрессе было уделено мало внимания. Своего рода исключением в этом отношении явилась сессия «Понятие племени»; на нее были представлены преимущественно доклады индийских ученых, посвященные роли некоторых племенных общностей в истории Индии и современной племенной ситуации в различных частях страны. Выявились существенные расхождения между определением понятия племени этнографами — главным образом по существенным социально-экономическим признакам — и определением, используемым в административных целях, когда на первый план выдвигается принцип культурной или социально-экономической отсталости. Для избежания смешения современных «племен» с первобытными было предложено называть первые «этническими», а вторые — «региональными» меньшиствами.

На сессии «Этнография традиционных драматических представлений» с докладами выступили два советских делегата: Ю. М. Юргинис — «Нарративный и актовый материалы как источники этнографических исследований» и Э. С. Львова — «Африканская сказка и этнография».

В представленных на эту сессию докладах и в прениях рассматривались различные компоненты духовной культуры — фольклор, танцы, на-

родный театр и др., а также возможность использования традиционных элементов культуры в современных условиях.

На близкой к ней по тематике сессии, где рассматривались вопросы вербального символизма и структуры ритуала, с докладами также выступили два советских делегата: В. К. Соколова — «Общественные и бытовые функции заговоров и заклинаний (на восточнославянском материале)» и И. Сургуладзе — «Эмпирическая космогония народов Кавказа». Другие доклады, заслушанные на этом заседании, касались главным образом ритуальной практики в древнеиндийской и древнегреческой религиях, а также в религиях индейцев Перу. Румынский ученый Г. Анка сделал доклад о древних связях Ригведы с народной румынской литературой.

К этой группе заседаний, посвященных духовной культуре, можно отнести сессии по проблемам «Этнография игр», «Этнография изобразительного искусства», «Этномузыкалогия».

Видное место в работе Конгресса заняла тематика, связанная с положением женщины в семье и в обществе, главным образом применительно к ситуации в развивающихся странах. Кроме уже названной выше сессии «Развитие и женщины», ей были посвящены заседания по проблемам «Изменение системы ценностей и семья», «Женщины: сила и власть», «Женщины и изменения в современной культуре» и некоторые другие, а также работа Комиссии по женщинам. На сессии по проблеме «Семья и брак» наибольший интерес представил доклад индийских ученых А. Раманаммы и У. Бамбавале о происходящих изменениях в институте брака и семьи по материалам обследования женщин, получивших образование и занятых на производстве в г. Пуна. В этом докладе, отражающем основные тенденции изменения социального и семейного статуса женщин в развивающихся странах, отмечалось стремление женщин к росту образования и экономической самостоятельности к более свободному общению с мужчинами и самостоятельному выбору брачного партнера, к необязательности традиционного ритуала свадьбы, к выделению из большой семьи нуклеарной семьи и т. д.; отмечался также некоторый рост браков, смешанных в этническом или религиозном отношении. В других докладах на этой сессии рассматривались более частные вопросы изменений в способе заключения брака и в семейных отношениях у различных этнических групп Индии, а также в некоторых странах Африки и Латинской Америки.

Несколько выделялась по тематике группа заседаний, посвященных этнографии жителей горных и полупустынных районов. Кроме сессии по этнографии Северо-Восточной Индии, сюда относится сессия «Этнография горных районов», большая часть докладов на которой касалась особенностей культуры и быта гималайских народов. Отмечалось, что горное земледелие у них и по сей день базируется на примитивной технике, не позволяющей получать высокие урожаи, и, хотя связи с равнинными районами постепенно усиливаются, труднодоступность горных районов и специфичность их природных условий препятствует развитию этих районов, в частности внедрению новой техники в сельское хозяйство. Все это способствует сохранению многих элементов традиционной духовной культуры и старых норм общественного и семейного быта, в частности полиандрии и полигинии, брачных обрядов, способов воспитания детей и т. п. Отмечались также стойкость земледельческого культа и синкретизм религиозных верований, в которых переплетаются элементы буддизма, индуизма и ислама. На этой сессии, как и на группе заседаний о семье и женщине, советских докладов представлено не было.

Очень оживленно проходило заседание сессии «Номадизм», на которой с докладами выступили четыре советских ученых: Г. Е. Марков — «Политическая организация кочевников», К. К. Каракеев — «От скотоводства к промышленному развитию за полстолетия (исторический опыт

республик Советского Востока)», Ю. И. Мкртумян — «Экологические и социально-культурные факторы в исторической динамике скотоводства (на примере Армянского нагорья и Кавказа)», Т. Д. Баялиева — «Среднеазиатские вариации экономического и культурного типа кочевников-скотоводов предгорий и гор (киргизы Тянь-Шаня)». Сравнительно-обобщающий характер носил доклад П. Бонта (Франция) «Пастушеская специализация. Экологический и экономический детерминизм». Подавляющее большинство других докладов было посвящено частным вопросам хозяйства кочевников, их культуры и быта, главным образом на примерах стран Северной Африки. Центральное место в развернувшейся дискуссии заняло обсуждение проблем преодоления отсталости кочевых и полукочевых народов, повышения уровня их образования и т. п., а также роли этнографии в решении проблем номадизма. Выступившие в дискуссии советские делегаты Ю. И. Мкртумян и Э. С. Львова рассказали об опыте перехода на оседлость десятков бывших кочевых и полукочевых скотоводческих народов Средней Азии, охотников и оленеводов северных и восточных областей СССР, о существенной помощи этим народам со стороны государства и о видной роли этнографов, которые давали конкретные советы по переустройству хозяйства и быта, по развитию образования (в частности, созданию письменности) и т. п.

Несколько сессий и симпозиумов было посвящено экономической этнографии, в том числе проблемам собственно «Экономическая этнография», «Средства производства и разделение труда», «Этнография и сельское хозяйство» и «Крестьянская экономика и сельские связи». Советские делегаты в этих заседаниях не участвовали.

Существенный интерес представляли два симпозиума, на которых рассматривались проблемы этнической ориентации. На одном из них, посвященном этнической идентификации и языку был представлен доклад советского делегата Г. М. Бонгард-Левина «Индуизм в 3—1 тыс. до н. э. Некоторые проблемы этнической истории», однако подавляющее большинство докладов было обращено к современности. В докладах о процессе ассимиляции японцев, поселившихся в Бразилии, и немцев, переселившихся в США, характеризовались различные стадии этого процесса, связанные с изменением языка и культуры. Г. Шифман (США) в докладе «Языковое постоянство немецко-американских церквей; теология ассимиляции» отметил закономерность смены языка церковных проповедей по мере языковой ассимиляции прихожан. Следует отметить также доклады индийских ученых о взаимодействии языков в этнически смешанных районах Индии и о вариабельности самоопределения в зависимости от представления данной группы людей (или индивидуума) об окружающих и, напротив, окружающих — об этой группе: если в однородной этно-языковой среде на первый план может выступить кастовая принадлежность, то в иноэтнической — язык, а за рубежом — даже религиозная принадлежность (бенгальцы-мусульмане и бенгальцы-индуисты) отходит на второй план перед национальной. Эта тематика была конкретизирована на симпозиуме об этничности среди заморских азиатских (преимущественно — индийских) общин, образовавшихся в экономически развитых странах (Великобритании, США, Норвегии); а также на Тринидаде, Фиджи и в Гайане. В докладах поднимались вопросы о степени этнического самосознания у иммигрантов первого и второго поколений, об изменении их системы ценностей, роли религии в этнической ориентации и т. п. Довольно близки к ним были заседания, посвященные вопросам языковых контактов, межкультурных связей и этнографии общения.

Сессия по проблемам «Политической этнографии» и тематически связанное с ней заседание «Анализ границ и общностей в политической этнографии» составили особую группу. К ней относится и сессия «Модели африканских политических систем», в которой приняли участие пре-

имущественно неафриканские ученые. На этой сессии выявилось два основных направления: в одном из них отразилось стремление многих европейских и африканских ученых найти какую-то единую модель африканского общества и объяснить особенности его развития главным образом через систему родства и семейных отношений, второе, методологически более правильное, ищет объяснение политическим структурам и социальным отношениям в экономическом развитии африканских народов.

Также особую группу составили заседания, посвященные изучению религии, в том числе по проблемам «Религия и общество», «Пилигримство и концепция святости», «Сравнительная социальная структура брахманизма» и др. В этой группе заседаний, как и в предыдущей, советские делегаты не участвовали.

Вопросы этнопсихологии обсуждались на двух сессиях. В одной из них — «Этнопсихология» — важное место заняли доклады по существу психиатрического направления, посвященные, в частности, вопросам ухода за умственно отсталыми детьми, методам лечения психически больных людей в мусульманских храмах и при помощи ритуальных действий шаманов и т. п. Интересные психологически-философские и этнографические проблемы были поставлены в докладе Д. Дженнингса (США): «Любовь — тема, которой пренебрегает этнопсихология». Понятие любви, ее место и роль в духовной культуре различных народов должно, по мнению докладчика, привлечь пристальное внимание этнографов. В работе сессии по проблеме «Психологические факторы здоровья в развивающемся мире» основное внимание было также уделено вопросам психологии и психиатрии, связанным с возникновением различных стрессовых явлений при ломке традиционного образа жизни, изменении прежних ценностных ориентаций и т. п.

Видное место на пленарных и тематических связанных с ними заседаниях (в частности, по Азии) заняли проблемы, посвященные быстрому росту населения развивающихся стран. Вопросы обеспечения этого населения пищей рассматривались на сессиях «Пища будущего», «Этнография пищи» и на заседании комиссии по пище. Демографическая же основа роста населения рассматривалась на сессии «Социальная демография», где были заслушаны два доклада советских ученых. В. И. Козлов в докладе «Этнокультурные факторы рождаемости (о роли этнографии в изучении проблем населения)» показал большое значение этнографии и новой смежной дисциплины — этнической демографии в изучении таких важных факторов рождаемости, как религиозные установки и традиции многодетности, формы семейной организации, положение женщины в семье и обществе и т. п., особенно применительно к развивающимся странам. В докладе С. И. Брука «Изменения в динамике и структуре населения в послевоенном мире» была дана общая картина демографической ситуации в мире и отмечено, что период очень быстрого роста численности населения мира, главным образом за счет его прироста в развивающихся странах, по существу завершился и что в настоящее время темпы естественного прироста в большинстве стран неуклонно снижаются. Однако за этой общей тенденцией могут скрываться существенные локальные особенности. Значительный интерес в этом отношении представил доклад председательствовавшего на сессии индийского по происхождению ученого Мони Нага (США) «Повышение плодovitости под влиянием процесса модернизации». В нем отмечено положительное влияние на рождаемость в ряде развивающихся стран таких факторов, как сокращение длительности кормления грудью, сокращение временных разрывов на половые связи супругов, сокращение числа абортов и других вредных методов контроля рождаемости, сокращение венерических заболеваний и общее повышение уровня здоровья, особенно среди женщин. Другие доклады на сессии были посвящены частным темам, связанным

с выяснением влияния на плодovitость особенностей питания, браков между родственниками и т. п. по материалам конкретных обследований.

Этнодемографический аспект имело заседание по теме «Символика биологического воспроизводства в его взаимоотношениях с формой хозяйства». Вопросы развития этнодемографических исследований обсуждались на заседании комиссии по населению; при перевыборах этой комиссии ее членом был избран В. И. Козлов.

К этнической демографии были близки по тематике некоторые доклады симпозиума «Биология и культура», занимавшегося в основном соотношением биологических и социально-культурных аспектов динамики некоторых этнических групп Индии. В развернувшейся дискуссии центральное место заняли вопросы интеграции биологических и социальных наук. Выступивший по этой теме Э. С. Маркарян отметил важность системного подхода, а также необходимость и вместе с тем трудность унификации познавательных средств (теории, методов, научной терминологии и т. п.) при интеграции сильно различающихся наук.

На сессии, посвященной проблемам и методам картографирования в этнографии, центральное место занял доклад о составленном и подготовленном к печати индийскими учеными этнодемографическом атласе о племенах Индии.

Особую группу составили заседания, на которых обсуждались различные вопросы этнолингвистики, в том числе: «Теоретические основы лингвистики», «Английский язык в развивающихся странах», «Грамотность и использование языка», «Проблемы и методы картографирования языковых изменений», «Языки мунда» и др.

Существенную часть работы Х МКАЭН заняла тематика, относящаяся к физической антропологии; всего по этой тематике было заявлено около 350 докладов, которые распределялись по 22 сессиям и симпозиумам. Советские антропологи выступили на многих из этих заседаний с докладами или приняли участие в дискуссиях. Среди заседаний, представивших особый интерес, следует отметить прежде всего симпозиум «Человек и среда», работа которого была во многом предопределена заказанными Всемирной ассоциацией биологии человека докладами Т. И. Алексеевой (СССР) — «Географическая среда и биология человека», Н. Воляпского (Польша), Р. Бейкера (США) и Е. Андерсона (США). Эти доклады содержали итоги анализа недавних работ по экологии человека, а также освещали аспекты исследований в высокогорных местностях, культурной адаптации некоторых популяций, особенностей энергетики организма человека в жарком климате. Другие доклады носили частный характер. В рамках этого симпозиума работала комиссия «Человек и биосфера», на которой обсуждались в основном организационные вопросы и дальнейшие задачи работы комиссии «Человек», созданной при ЮНЕСКО.

Сессия по проблеме «Этногенез», председателем которой был советский делегат М. Г. Абдушелишвили, была посвящена главным образом начальным этапам формирования древних и современных народов по материалам археологии и физической антропологии. Советская делегация была представлена на ней докладами М. Г. Абдушелишвили «Антропологические данные к изучению этногенеза некоторых народов Центральной и Западной Индии», В. П. Алексеева «Исторические аспекты антропологической дифференциации в Берингоморье» и Р. Я. Денисовой «Генезис древнейшего населения Северной и Восточной Европы».

На симпозиуме «Физиологическая адаптация», тесно примыкающем по своим целям и задачам к симпозиуму «Человек и среда», рассматривались некоторые частные вопросы адаптации организма человека к условиям высокогорья.

Доклады на сессии «Антропология и болезни» касались главным образом организационных вопросов здравоохранения и профилактики раз-

личных заболеваний с учетом этнических вариаций некоторых болезней (например, рака). Рассматривались также некоторые так называемые социальные болезни, в частности туберкулез, с точки зрения физического развития человека, поло-возрастной структуры населения и т. п. В антропологическом отношении эти доклады представляли ограниченный интерес, но были важны в практическом отношении.

На сессии «Морфология человека» были заслушаны доклады советских ученых: В. П. Волкова-Дубровина — «Связи и комплексы в системах морфо-физиологических черт» и В. П. Чтецова (в соавторстве с Н. Ю. Лутовиной и М. И. Уткиной) — «Общие конструктивные принципы соматологических измерений и их приложение к анализу нормальных соматических типов мужчин и женщин». Подавляющее большинство других докладов было посвящено сугубо частным вопросам, в значительной мере уже освещенным в научной зарубежной периодической печати.

На сессии «Прикладная физическая антропология» было заслушано всего два доклада, один из которых касался физиологической антропологии, другой — статистического анализа некоторых измерительных признаков у человека; докладов, имеющих прямое отношение к теме сессии, не было.

На сессии «Спортивная антропология» существенный интерес представил доклад Н. Воляпского (Польша) о наследуемости некоторых признаков у спортсменов. Другие сообщения носили частный характер.

На сессии «Биология человека» все доклады были посвящены генетике изолированных разнородных популяций в горах Югославии, Южной Италии, северо-восточной Индии и некоторых других районов; в основе их лежали материалы соматологических, дерматоглифических и серологических исследований.

На сессии «Биометрические подходы к физической антропологии» наибольший интерес представили доклады о возможности применения методов многомерного анализа в различных разделах антропологии.

Сессии и симпозиумы по физической антропологии показали растущее внимание к вопросам генетики. Этим вопросам была посвящена группа специальных заседаний, в том числе «Генетика человеческих популяций», «Биохимическая генетика», «Цитогенетика человека» и «Генетические рекомендации». К сожалению, советские антропологи в работе этих заседаний, как и ряда других (например «Биология приматов», «Этология приматов» и т. п.) участия не принимали.

Следует сказать, наконец, и о довольно большой группе сессий Конгресса, посвященных археологической тематике.

По программе сессии «Первобытная технология» (председатель Дж. Тиксье, Франция) заслушано два доклада: В. Яавасвал (Индия) «О технологии палеолитических индустрий Индии» и Д. Кларка (США), посвященный типологии каменных орудий палеолита Африки. Основная дискуссия велась вокруг доклада В. Яавасвал; в ней участвовали, главным образом, индийские археологи, представлявшие на заседаниях этой, а также и других сессий, подавляющее большинство.

При рассмотрении технических приемов обработки камня и классификации изделий В. Яавасвал использовала методологические принципы, разработанные французским археологом Ф. Бордом.

На сессии «Нижний палеолит» обсуждалось три доклада: Р. Джоши (Индия) — «Некоторые проблемы нижнепалеолитических культур Индии», А. Гхоша (Индия), посвященный аналитическому изучению коллекций каменных орудий нижнего палеолита Индии, их процентному соотношению и распространению на Индостанском субконтиненте, и доклад Дж. Арманды (Венесуэла) — «О культуре ручных рубил в Азии». Эти доклады, в целом, отражали еще слабую изученность нижнего палеолита Индии, в частности дискуссионные вопросы хронологии и происхождения нижнепалеолитических культур.

На сессии «Средний палеолит» докладов не оказалось, однако председатель сессии А. Гхош (Индия) и его коллеги Р. Джоши и В. Мистра рассказали об исследованиях палеолита в Индии. Их сообщение вызвало дискуссию по проблемам палеолита Азии, которая затронула и вопросы, рассматриваемые на предыдущей сессии. В дискуссии принял участие Р. С. Васильевский, отметивший слабую аргументированность схем А. Гхоша. Основываясь на работах советских археологов в МНР и на советском Дальнем Востоке, он показал значительно более широкую зону распространения ручных рубил в Центральной и Северной Азии. Американский археолог К. Дюпри в своем выступлении отметил терминологическую путаницу, допускаемую некоторыми индийскими археологами и, в частности, нечеткость понятий нижний, ранний, средний палеолит.

На сессии «Верхний палеолит», где председательствовал В. П. Алексеев (СССР), было заслушано четыре доклада, два из них сделали индийские археологи Д. К. Бхаттачаруа и К. Махабатра. Их доклады были посвящены раскопкам в районе Мадраса и Бомбея. В материалах этих памятников отмечаются мустьерские и левалуазские элементы. Третий доклад «Докерамические комплексы Сахалина и Северного Хоккайдо и их взаимоотношения с континентальными культурами Азии» прочитал Р. С. Васильевский (СССР), в четвертом П. Смитс (Израиль) проанализировал антропологические материалы памятников натуфийской культуры.

На сессии по проблеме «Мезолит» выступили В. Мистра (Индия) и Дж. Роя (Индия). Они охарактеризовали мезолитические культуры Индии и их каменный инвентарь, в котором доминируют пластины и резцы.

На сессии «Неолитические и энеолитические культуры» был заслушан доклад Е. Смита (Канада) — известного специалиста по неолиту Ближнего Востока и Египта, посвященный вопросам зарождения и распространения на Ближнем Востоке и в Передней Азии (Иран) производящей экономики и связанным с ее развитием и укреплением изменениям в системах расселения. Все эти вопросы были подняты и рассмотрены автором на материалах раскопок Тепе Гандж Дарех в Иране — поселения, датирующегося 8—7 тыс. до н. э. Несколько докладов индийских археологов были посвящены исследованиям частных вопросов неолита Индии. Так, например, Т. Шарма посвятил свой доклад находкам в Восточной Индии так называемых кельтов с плечиками, распространению их в Юго-Восточной Азии и связи этих находок с комплексами со шнуровой керамикой.

Доклады сессии «Бронзовый и железный век» существенно различались по проблематике, в хронологическом отношении и по регионам исследований. Доклад Ч. Гупты (Индия) был посвящен мезолитической культуре Южной Индии, которая давно удивляет археологов поразительным сочетанием мегалитических сооружений и железных орудий. В интересном докладе К. Дикшита (Индия) был поставлен вопрос о датировке культуры серой расписной керамики — культуры, которую многие индийские археологи отождествляют с пришедшими в Индию арьями. На новых материалах Дикшит стремился показать, что культура эта перекрывает комплексы позднехарапского происхождения, он датирует ее 1100—800 г. до н. э. Доклад М. А. Итиной (СССР) был посвящен этнической истории степных племен Средней Азии в свете индоиранской проблемы. Основной задачей доклада было показать, что из-за сложности этно-культурных и миграционных процессов, происходивших в степях Евразии в конце II — начале I тыс. до н. э. и охвативших южные районы Средней Азии, Северный Афганистан и Пакистан, трудно рассчитывать, что арианизация Индии может быть прослежена на материалах какой-то единой культуры. Скорее всего не облик материальной куль-

туры пришельцев, а вся система хозяйства, духовная культура племен индоиранская принадлежность которых лингвистически документирована, могут служить критерием для «опознания» легендарных арьев. Индийский археолог Ч. Гупта выступил с докладом, в котором он, основываясь на сходстве некоторых иранских, южносреднеазиатских и североафганских (бактрийских), а также пакистанских комплексов 2 тыс. до н. э. пытался продемонстрировать южное происхождение индоиранцев, игнорируя участие явного северного степного компонента во всех комплексах. В развернувшейся дискуссии М. А. Итина подчеркнула, что при решении проблемы происхождения арьев следует основываться не столько на отдельных археологических находках, сколько на лингвистических материалах, уверенно локализирующих прародину индоиранских племен в южнорусских степях. Доклад Н. Негматова (СССР) был посвящен анализу настенных росписей VI в. из Таджикистана. Он был богат иллюстрирован и вызвал интерес, но, к сожалению, из-за недостатка времени обсуждение его не состоялось.

После завершения основной работы Конгресса происходила работа тематических секций в разных городах: «Примитивные экономические образования», «Проблемы и методы картирования в этнографии и физической антропологии», «Биометрический подход к физической антропологии», «Социальная роль женщин в этнографии» (Дели); «Этнография переложного земледелия» (Бхубанесвар); «Структура популяций и изменчивость человека» (Бомбей); «Фольклор и этнические аспекты литературы», «Прикладная антропология» (Калькутта); «Происхождение человека» (Чандigarh); «Голод, работа и уровень жизни» (Хайдарабад); «Этнография крестьянства» (Лакнау); «Религия и социальные изменения» (Мадрас); «Этнолингвистика, Проблемы многоязычия: выбор языка в образовании, администрации и средствах массовой коммуникации» (Майсор); «Медицинская антропология», «Новые успехи в изучении предистории бассейнов Индийского и Тихого океанов» (Пуна); «Островная культура» (Порт-Блейр); «Примитивный мир и его трансформация», «Образ жизни, мировоззрение, и система ценностей» (Ранчи).

В ряде случаев содержание сессий было шире, чем следовало из их названий; так, в Калькутте работало 10 групп, посвященных не только этническим аспектам литературы (в обсуждении этой проблематики приняли участие советские делегаты Л. П. Кузьмина и Э. С. Львова), но и народному искусству (музыка, театр), а также традиционной религии и народной медицине.

Существенное методологическое значение имел проходивший в Дели 18—20 декабря симпозиум «Возникновение государства», посвященный условиям образования и особенностям развития раннеклассовых государств, главным образом в Африке и среди кочевников. На симпозиуме были зачитаны доклады советских ученых: Л. Е. Куббея — «Этнические общности и потестарные и политические структуры в доклассовых и раннеклассовых обществах», А. М. Хазанова — «Типология пастушества», И. Л. Андреева — «Соотношение восточно-деспотических и военнотендератических тенденций в генезисе государства»; в дискуссии выступил С. А. Арутюнов. Большинство участников симпозиума выразило свою приверженность методологии марксизма или значительную общность взглядов с этой методологией. Однако многие из них не разделяли принятого в советской науке определения классов, утверждая, что государство может возникнуть как «разросшаяся община» раньше, чем формируются классы и т. п.

Советские ученые (В. П. Алексеев, М. Г. Абдушелишвили) приняли также участие в проходившей в Бомбее сессии «Структура популяций и изменчивость человека».

В целом X МКАЭН еще раз подтвердил, что многие зарубежные ученые постепенно приходят к марксизму. Это особенно характерно для

Индии и других развивающихся стран, где число этнографов быстро возрастает. Весьма показательно, что на Конгрессе не было открыто антисоветских выступлений, а также докладов, защищающих расистские и другие реакционные концепции. Доклады советских ученых почти неизменно вызвали значительный интерес и поддерживались большинством слушателей. Признанием заслуг советских ученых является избрание акад. Ю. В. Бромлея вице-президентом Международного союза антропологических и этнографических наук (МСАЭН) и шести советских представителей в другие руководящие органы Союза; проф. В. П. Якимов избран почетным членом МСАЭН.

Работа Конгресса была в целом успешной, и его результаты, несомненно, будут способствовать дальнейшему развитию этнографической и антропологической науки. Вместе с тем, в ней проявились известные организационные недостатки: чрезмерная дробность тематики сессий и симпозиумов (некоторые из них можно было бы объединить), неравномерность загруженности заседаний докладами (от 2—3 до 50), недостаточность информации о последовательности докладов и их содержании (отдельные доклады оказывались по содержанию чуждыми тематике заседания); следует сказать и о том, что многие доклады страдали узкотемностью и в научном отношении оставляли желать лучшего.

Специфическая направленность Конгресса на актуальные проблемы развивающихся стран не позволила ему полностью осветить современное состояние этнографической и антропологической наук. Все же он дал представление о современном уровне антрополого-этнографических исследований в целом, о некоторых общих тенденциях их развития. В частности, Конгресс продемонстрировал усиление внимания к таким научным направлениям, как генетика человека, этнопсихология, проблемы питания, социальная демография, этнические процессы, народная медицина, этнография игр и т. д. Таким образом, речь идет о расширении конкретных исследовательских сфер антропологии и этнографии. При этом особо подчеркивалось и прикладное значение такого рода исследований. В то же время Конгресс свидетельствует об усилении внимания зарубежных ученых к вопросам теории. Это, как уже говорилось, наглядно проявилось на заседаниях, посвященных неозоволюционизму и марксизму, будущему антропологии и этнографии, этническим процессам. Особенно заметен этот интерес у индийских ученых и ученых из других развивающихся стран. Показательно и то, что в отличие от сравнительно недавнего прошлого, когда для многих работ зарубежных антропологов и этнографов был характерен антиисторизм, на X конгрессе неизменно подчеркивался фактор развития. Однако большинство западных ученых рассматривает развитие в эволюционистском духе, игнорируя «разрывы постепенности», т. е. революционные скачки в поступательном движении человечества. К тому же развитие часто трактуется как многолинейный процесс, не имеющий общих закономерностей. В тех же целях акцентируется культурное многообразие человечества. При этом именно культура, а не социальные отношения рассматривается в качестве главного фактора в жизни общества; тем самым решающим для развития оказываются не социальные, а культурные преобразования.

Конгресс убедительно показал также дальнейшее расширение масштабов международного сотрудничества в области антропологических и этнографических наук, включение в него все большего числа ученых развивающихся стран. В частности, после проведения конгресса в Индии, несомненно, будет возрастать участие индийских ученых в работе МСАЭН. В свете всего этого представляется весьма важным дальнейшее расширение научных контактов советских этнографов и антропологов с индийскими коллегами.

Тематика Конгресса показала, что некоторым разделам этнографии (например, этнографии игр, этнопсихологии) в СССР пока не уделяется

должного внимания. Не вполне равномерным было распределение докладов советских ученых по заседаниям, а из-за малочисленности советской делегации многие сессии и симпозиумы и целые тематические группы их (например, по питанию, религии, лингвистике и др.) прошли без ее участия. В некоторых докладах доказательность порой заменялась декларативностью. Все это надлежит учесть при дальнейшей работе.

Очередной (XI) Конгресс антропологических и этнологических наук решено созвать в Канаде (Квебек, Ванкувер) в 1983 г. В соответствии с Уставом новым президентом МСАЭН избран канадский ученый — проф. С. Белшоу. Исполком Союза избрал также нового генерального секретаря (взамен подавшего в отставку проф. Л. Крейдера); им стал английский антрополог Е. Сандерленд.

THE 10th INTERNATIONAL CONGRESS OF ANTHROPOLOGICAL AND ETHNOLOGICAL SCIENCES

The 10th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences took place in New Delhi (India) in December 1978. Over 2000 research workers from different countries of the world took part in the Congress; among them were 38 Soviet delegates. A more particular description is given of the work of those sessions, symposiums and commissions of the Congress in which Soviet delegates participated as authors of papers or participants in the discussion.